

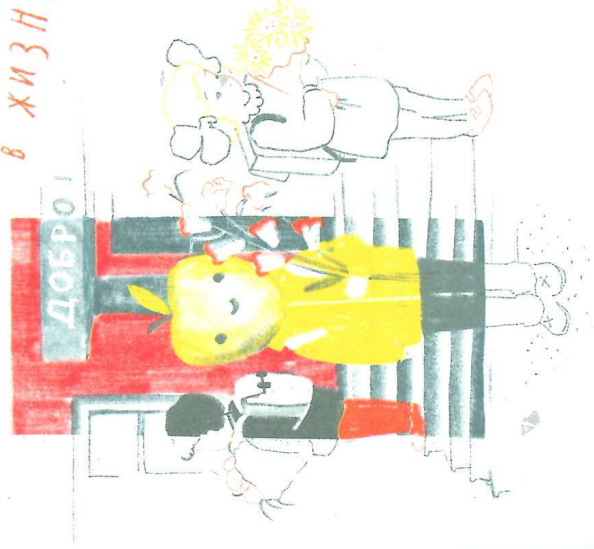
Постельное белье, которое хрустит и приятно пахнет. Чашки с блюдцами, на которых нарисованы оранжевые петухи. Старый ковер с непонятным узором, в котором можно разглядеть смешных монстриков. Яблочный компот, который бабушка еще летом залила в стеклянные банки. Огромная коробка со стеклянными бусинами, которые напоминают волшебные шары. Музыкальная шкатулка, которая играет музыку из подземного перехода. Толстые книги на английском, которые можно часами листать: они пахнут чем-то вкусным, и в одной из них есть карта Уналашки. Фотография, которая стоит у бабушки за стеклом книжной полки: там она, совсем молодая и очень красивая, сидит в кресле посреди комнаты.

Фотографии у бабушки не только за стеклом, но и вообще везде: на стенах, столе, комодке, холодильнике и в большом старом сером альбоме. Там есть совсем маленькая бабушка и совсем маленькая мама, бабушкины родители, их родители, дяди и тети, их дети и дети их детей. Если можно было бы собрать вместе всех этих людей, получилась бы огромная толпа — как на концерте Queen, который они играли, чтобы помочь африканским детям*. И всех этих родственников бабушка помнит по именам.

* «Лайв Эйд» — международный благотворительный музыкальный фестиваль, состоявшийся 13 июля 1985 года и организованный британскими музыкантами для сбора средств пострадавшим от голода в Эфиопии. На стадионе «Уэмбли» в Лондоне собрались 82 000 человек, а на стадионе имени Джона Фицджеральда Кеннеди в США — около 99 000 зрителей.

ГЛАВА 3

САМЫЙ ХУДШИЙ ДЕНЬ
в ЖИЗНИ

Недавно я первый раз пошел в школу. Но не в первый класс, как все дети, а сразу в третий. Когда мне исполнилось семь, мама решила, что я буду учиться дома, а в школу поступлю позже. Бабушка возмутилась:

— Чем он хуже других детей?

— Мама, он ничем не хуже. Просто он еще не созрел. Разве плохо, если он еще немного побудет свободным?

— И кто его всему научит?
— Читать и считать он уже умеет. А писать как-нибудь сами научим. Слава богу, мне не надо каждый день на работу ходить. И к тому же в первом классе ничего важного не происходит.
— Когда же, по-твоему, он созреет?
— Поживем — увидим.
Я представил себя в маске из инстаграма в виде яблока — горького, твердого и незрелого.
— Мама, а почему все созрели, а я нет?
— Суслик, все люди разные. Не переживай: я уверена, что мы все делаем правильно.
Мама — продюсер и очень гордится тем, что у нее творческая работа и она сама может решать, ходить ей туда или нет.
— А что делает продюсер?
— Практически все.
— То есть ты как Рой Томас Бейкер?
— Не совсем. Я продюсирую не какую-то группу, а всякие мероприятия.
— Типа чего?
— Например, мне звонят и говорят: нужно срочно организовать съемку, в которой участвуют десять человек, три лисы и двадцать пять мышей. И все они должны надеть...
— Фиолетовые плащи?
— Например.
— Почему ты тогда не можешь выяснить, кто твой папа?
— Потому что у меня много других, более важных, дел.
В общем, весь первый класс я учился дома. Магематикой и русским я занимался с мамой, а английским — с Джеком,
* Рой Томас Бейкер (р.1946) — британский музыкальный продюсер. Сотрудничал с The Who, The Rolling Stones, Дэвидом Боуи, Оззи Осборном, Дасти Спрингфилд и многими другими исполнителями и группами. Самой известной его работой стала «Богемская рапсодия» группы Queen.

настоящим американцем, которого посоветовала мамина знакомая. Бабушка сказала:

— Странно нанимать кого-то, когда его всему могла бы научить родная бабушка. Мы вот с тобой очень эффективно занимались, когда ты была маленькой.
— Ты просто ничего не помнишь. Эти занятия были сущим адом для нас обеих.

В итоге они поссорились и неделю не разговаривали.

Когда мне исполнилось восемь, бабушка спросила у мамы:
— Но теперь-то ты его отдашь в школу?

— Думаю, подождем еще годик.

— Марика, но ведь потом ему будет гораздо сложнее! — сказала бабушка и опрокинула рюмку бальзама.

— Мама, не волнуйся, все будет нормально.

Так что весь второй год я продолжал заниматься с мамой и Джеком. Я прочитал кучу книг на русском и научился наконец писать и даже говорить на английском. И когда мы я не только ничего не пропустил, но знаю гораздо больше, чем большинство детей в моем возрасте.

— Пораительно. Марк знает гораздо больше, чем большинство детей в его возрасте, — похвалила маму учительница. — Отличный результат для домашнего обучения.

— Я тут ни при чем, — пожала плечами мама. — Просто ему все интересно.

Думаю, мама решила не отдавать меня в школу из-за детского сада. Я пошел туда, когда мне исполнилось четыре. Первые несколько дней все было неплохо, и мама мной страшно гордилась. Она говорила бабушке:

— Он все-таки очень социальный ребенок, ему нравится общаться с другими детьми, быть в центре внимания.

Но где-то через неделю мне надоело туда ходить. Мама рассказывает, что, когда она собралась уйти, я вцепился в ее ногу и начал орать как резаный. Мама нервничала и пыталась меня успокоить. Но чем больше она пыталась, тем сильнее я рыдал. Тогда мама стала ходить в детский сад вместе со мной. Несколько раз она пыталась улизнуть, но я внимательно следил за ней и ловил в дверях. Маму тоже хватало ненадолго, и через несколько дней она ска- зала бабушке:

— Он все-таки очень домашний ребенок — думаю, ему не нужна никакая социализация. Не стоит его лишний раз травмировать.

Не знаю, что ответила бабушка, но больше мы в детский сад не ходили — ни я, ни мама.

В общем, накануне моего третьего класса я никак не мог заснуть, представляя, как это будет. Утром я взял Вильгельма и залез к маме в постель.

— Который час? — промычала она из-под одеяла.

— Уже семь.

— У нас есть еще полчаса, давай просто тихо полежим.

Мысли вертелись в голове с такой скоростью, что просто тихо лежать было трудно. Я вспомнил удивительный факт, который нашел в одной старой энциклопедии у бабушки, и решил поделиться им с мамой:

— А знаешь, какой длины твой кишечник?

— Нет, и совершенно не хочу, — застонала она и повер- нулась ко мне спиной.

— Восемь метров. Представляешь?

Молчание.

— Его можно было бы протянуть из твоей комнаты через коридор и даже до середины моей комнаты.

Тут она все-таки проснулась и пошла на кухню варить кофе. Говорю же, удивительный факт.

За завтраком я сказал:

— Сегодня самый счастливый день в моей жизни.

— Надеюсь, что так, — ответила мама.

— Можно я возьму с собой Вильгельма?

— Я бы не стала. Вдруг он там погорячится?

— С чего бы ему теряться? Я могу везде ходить с ним за руку.

— Думаю, ты быстро с кем-нибудь подружишься и тебе будет с кем ходить за руку.

— Но ведь в детском саду я ни с кем не подружился.

— В школе все будет иначе.

За завтраком я все время подпрыгивал, вертелся и от волнения даже начал жевать новую белую футболку, и она стала вся мокрая. Мама велела мне переодеться, несколько раз сфотографировала меня, а потом сказала, что я просто красавчик. Кошка громко мяукнула: наверно, в знак согласия. Когда мы сели в лифт, оказалось, что там уже едет дядька с огромным животом, издающим смешные звуки. Живот как будто говорил со мной, и я захихикал, а мама сделала большие глаза и отвернулась. Кажется, ей тоже было смешно.

Я не помню, как представлял себе школу, но, когда мы приехали, оказалось, что во дворе собралась огромная куча людей — хоть и меньше, чем на концерте в помощь африканским детям. Из толпы торчали таблички с номерами и буквами классов. Мама крепко взяла меня за руку и начала пробираться влугуб. Чем дальше мы пробирались, тем меньше мне хотелось идти в школу. Назад пути нет — я прекрасно понимал это, но все-таки крикнул:

— Мам! Давай не пойдем?

— Я ничего не слышу!

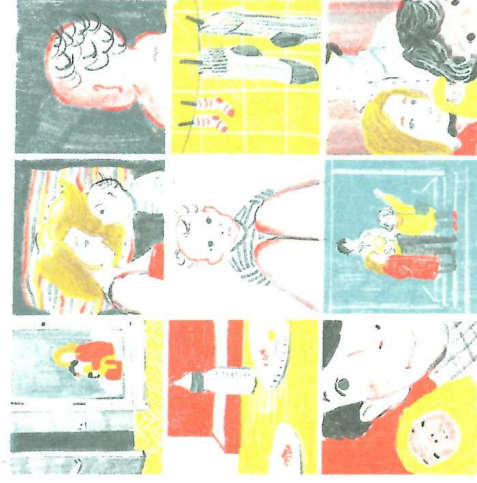
— Я не хочу!

— Мы уже пришли!

Я так и не понял, действительно ли она не слышала, что я кричал, или просто испугалась, что получится как с детским садом и я до старости останусь дома. «Не волнуйся, все будет хорошо», — сказала она и чмокнула меня в макушку. А потом отпустила мою руку и исчезла в толпе других родителей, которые только и делали, что выкрикивали имена своих детей и фотографировали их на телефоны.

В тот день я так волновался, что не запомнил никого из своих одноклассников. Как будто все, что происходило, появилось туманом. В какой-то момент включилась музыка и все пошло в школу. Внутри сильно пахло сырниками, кашей и еще чем-то непонятным. Потом нас посадили за парты и начался урок. Кажется, в этот момент я понял, что это не самый лучший день в моей жизни, а самый плохой. Потому что с этого момента все дни стали одинаковыми. Но кое-что хорошее все-таки было: после уроков меня забрал папа, и мы пошли в «Макдоналдс».

ГЛАВА Ч У МЕНЯ ЕСТЬ ПАПА

Вы, наверное, подумали, что у меня тоже нет папы. На самом деле есть — просто он живет не с нами, а со своей, как выражается мама, Девидей. На самом деле ее зовут Юля, и Девидей мы ее называем между собой. А папины родители живут в другом городе, и видимся мы не чаще чем раз в год.

Когда я был совсем маленький, мы жили вместе: мама, папа и я. Кстати, об этом можно узнать из маминного инстаграма — если долистать его до первого дня моей жизни и даже еще раньше, где я еще бутлыхаюсь в маминном животике.